

Зигмунд
ФРЕЙД

Психология
масс

PHILOSOPHY

Фрейд (Neoclassic)

Зигмунд Фрейд
Психология масс

«Издательство АСТ»

1921

УДК 159.9
ББК 88.5

Фрейд З.

Психология масс / З. Фрейд — «Издательство АСТ»,
1921 — (Фрейд (Neoclassic))

ISBN 978-5-17-156455-1

Зигмунд Фрейд. Доктор медицины, философ, ученый, создавший теорию психоанализа. Блистательный врач-психиатр, применивший ее на практике. В настоящий том включены знаменитый труд Зигмунда Фрейда «Психология масс и анализ человеческого „Я“», а также другие произведения за период с 1919 по 1940 гг., большей частью посвященные религиозной тематике, в том числе такие важнейшие работы, как «Будущее одной иллюзии», «Болезнь культуры» и «Моисей и монотеизм». В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9
ББК 88.5

ISBN 978-5-17-156455-1

© Фрейд З., 1921
© Издательство АСТ, 1921

Содержание

От составителя	6
Предисловие к книге Т. Рейка... «Проблемы психологии религии»[1]	7
Психология масс и анализ человеческого «Я»	10
I. Введение	10
II. Душа масс в представлении Лебона[7]	12
III. Другие оценки коллективной душевной жизни	19
IV. Внушение и либидо	23
V. Две искусственные массы: церковь и армия	26
VI. Дальнейшие задачи и направления исследований	30
VII. Идентификация	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Зигмунд Фрейд

Психология масс

© Перевод. А. Анваер, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

От составителя

Религиозность – иначе говоря, потребность верить в наличие неких «сверхъестественных» сил, не обязательно высших, но способных воздействовать на человеческие мысли и поступки – была на первом Всемирном Конгрессе по психотерапии (Вена, 1996) объявлена «фундаментальной человеческой функцией». Конечно, следует принимать в расчет то обстоятельство, что слово «религиозность» употребляется здесь в очень широком, почти обезличенном смысле: это не приверженность тому или иному институционализированному вероучению, не соблюдение установленных догматов как таковых, а всего-навсего некое общее ощущение «нуминозной», как выражался К. Г. Юнг, сути бытия – словом, такое состояние души, такое мировоззрение, которое антрополог М. Энгельке охарактеризовал как *ambient religiosity* (данное словосочетание можно перевести как «ощущение религиозности в мире» или как «эмбиент-религиозность», по аналогии с одноименным стилем электронной музыки). Тем не менее, религиозность, потребность и желание верить в «потустороннее», действительно признается важной составляющей человеческой природы, а исследованием этой составляющей сегодня занимаются многие науки о человеке – от традиционных теологии и философии до антропологии религии и даже физики.

Разумеется, пройти мимо религиозности не могла – при своих притязаниях на познание человека и его «темных» и «светлых» сторон – и психология. Пионером психологического изучения религиозности выступил, пожалуй, Ф. Ницше, сам себя именовавший «первым психологом» и громогласно объявивший, будто Бог умер, а все прочее на свете – «человеческое, слишком человеческое». А затем в «сокровенное» пространство человеческой веры и потребности в вере вторгся скандальный психоанализ, детище знаменитого венского психиатра З. Фрейда.

Не будет преувеличением сказать, что никакой другой раздел фрейдовской теории – за исключением, разумеется, учения о сексуальности – не вызывал столько противоречивых оценок и страстной полемики. При этом сам Фрейд, остро интересуясь религией и религиозностью на протяжении всей своей долгой научной и практической карьеры, не дал сколько-нибудь однозначного определения религии: он называл ее то «проецированной во внешний мир психологией», то «сублимированным продуктом сексуальных влечений», то «всеобщим неврозом навязчивых состояний», то «пережитком психического инфантилизма», то «коллективной иллюзией». Однако подобное разнообразие определений ничуть не мешало ему принимать религиозность за данность, которую надлежит учитывать и которая подлежит анализу наряду с прочими особенностями человеческого характера и мировоззрения. Именно этот факт и обеспечил фрейдовским взглядам на религию и религиозность место в истории изучения данного предмета: даже современная антропология религии, при всей своей рациональности и при всем стремлении к иным объяснительным моделям, признает за Фрейдом право считаться одним из основоположников научного осмысления религиозности.

В настоящий том включены работы Фрейда, имеющие отношение к религиозной тематике и охватывающие промежуток с 1919-го по 1940 год. Это и малые статьи конкретной направленности, и большие исследовательские работы, и предисловия к трудам других ученых, а также важнейшие для самого Фрейда и для истории изучения вопроса работы «Будущее одной иллюзии», «Болезнь культуры» и «Моисей и монотеизм».

К. Ковешников

Предисловие к книге Т. Рейка... «Проблемы психологии религии»¹ (1919)

Психоанализ появился на свет по медицинской необходимости. Причиной его появления была потребность оказать содействие невротическим пациентам, которые не могли найти облегчения ни в предписанном покое, ни в водолечении, ни в исцелении электричеством. Замечательное открытие Йозефа Брейера вселило надежду: чем понятнее для нас становится доселе неизведанное происхождение симптомов, тем существеннее помощь, которую мы можем оказать. Вследствие этого психоанализ, будучи первоначально сугубо медицинской процедурой, с первых своих шагов подразумевал исследование, выявление и раскрытие причинно-следственных связей, потаенных и крайне важных.

В своем дальнейшем развитии процедура постепенно отдалялась от изучения чисто соматических причин нервных заболеваний и со временем ушла настолько далеко, что врачи стали впадать в замешательство. Вместо телесной она все больше обращалась к умственной, или духовной, составляющей человеческой жизни, прилагалась к жизнедеятельности больных и здоровых, людей нормальных и даже сверхнормальных. Психоанализу приходилось изучать эмоции и страсти, прежде всего то чувство, которое не устают изображать и воспевать поэты, – чувство любви. Аналитики научились признавать силу воспоминаний, учитывать впечатления детских лет пациента и принимать во внимание воздействие желаний, искажающих человеческие суждения и устанавливающих жесткие пределы нашим свершениям.

Некоторое время казалось, будто психоанализу суждено влиться в общее русло психологии, будто он не сможет разьяснить отличия психической деятельности больных от таковой у нормальных людей. Однако в ходе своего развития психоанализ натолкнулся на сновидения, эти аномальные душевные плоды, создаваемые нормальными людьми при регулярно повторяемых физиологических условиях. При изучении сновидений было установлено, что в бессознательных психических процессах имеется общая основа, средоточие и источник высших и низших психических побуждений; она-то и порождает как вполне нормальные, так и откровенно патологические, болезненные душевные движения. Новая картина работы человеческого ума мало-помалу делалась все яснее и полнее. В ней теперь присутствовали смутные инстинктивные силы органического происхождения, что стремились к predetermined целям, а над ними располагалась инстанция, объединяющая более высокоорганизованные умственные образования (приобретенные в ходе развития человечества на протяжении тысячелетий истории); эта инстанция частично подчинила себе инстинктивные побуждения, сумела их упорядочить или даже перенаправить на более возвышенные устремления, обуздала и принялась распределять их энергию по собственному усмотрению. При этом указанная высшая инстанция, известная нам как эго, отвергает другую часть тех же самых элементарных инстинктивных побуждений как бесполезную, поскольку их невозможно совместить с органическим единством индивида – или поскольку они противоречат культурным приоритетам индивида. Не в состоянии уничтожить эти необузданные душевные позывы, эго отворачивается от них, позволяет им пребывать на низшем психическом уровне, защищается от них многочисленными защитными заслонами – или норовит выстроить с ними взаимовыгодные отношения посредством замещения. Эти влечения, павшие жертвой вытеснения – неукротимые, неуничтожи-

¹ Vorrede zu: Reik, Theodor. Probleme der Religionspsychologie. Также опубликовано посмертно в виде предисловия к американскому изданию работы Т. Рейка («Ritual: Four Psychoanalytic Studies», 1946). – *Примеч. ред.* [Т. Рейк – австрийский психоаналитик, ученик Фрейда, один из пионеров психоанализа в США (после эмиграции). – *Примеч. пер.*]

мые, всячески сдерживаемые и не подпускаемые к сознанию, – составляют, заодно с их примитивными психическими представлениями, этакий подземный мир психики, истинное ядро бессознательного; они всегда готовы навязать разуму свои требования и всеми правдами и неправдами прокладывают путь к удовлетворению вытесненных страстей. Этим-то и объясняются неустойчивость личности, воспроизведение в сновидениях разнообразных запретных и вытесненных содержаний и склонность к неврозам и психозам, которая берет верх, едва равновесие между эго и вытесненным материалом сдвигается в сторону последнего.

Это краткое изложение призвано показать, что невозможно ограничить психоаналитический взгляд на жизнь и труды человеческого разума областью сновидений и нервных расстройств. Если метод психоанализа притязает на истинность, то он должен быть в равной степени применим и к нормальным психическим событиям; даже высшие достижения человеческого духа должны быть связаны с факторами, которые выявляются при патологиях, – с вытеснением, с попытками подчинить себе бессознательное и с возможностями удовлетворения примитивных влечений. Так сформировалось непреодолимое искушение, в силу которого ученые полагали себя обязанными прилагать исследовательские подходы психоанализа к областям, далеким от психотерапии, – к различным наукам о духе. Более того, сама психоаналитическая практика настойчиво призывала к освоению новых территорий, поскольку было очевидно, что различные формы неврозов перекликаются, так сказать, с наиболее значительными достижениями нашей культуры и ее лучшими образцами. Истерики, если угодно, суть художники воображения, пусть они выражают свои фантазии преимущественно миметически и несколько не стремятся сделать их понятными для других людей; обряды и запреты у больных неврозом навязчивых состояний заставляют предполагать, что эти пациенты исправно творят собственную, персональную религию; а бред параноиков имеет неприятное внешнее сходство (и внутреннее родство) с нашими философскими системами. Напрашивается вывод, что эти пациенты неким асоциальным образом предпринимают попытки разрешить свои конфликты и удовлетворить свои насущные потребности; когда же такие попытки осуществляются способами, приемлемыми для большинства, они получают известность как поэзия, религия и философия.

В 1913 году Отто Ранк и Ганс Сакс в чрезвычайно интересной работе² объединили результаты, достигнутые к тому времени в применении психоанализа к наукам о духе. Наиболее доступными для анализа среди этих наук оказались, насколько можно судить, мифология и история литературы и религии. Увы, пока не удалось отыскать окончательную формулу, которая позволила бы мифам занять подобающее место в этом уравнении. Отто Ранк в работе, посвященной инцестуальному комплексу (1912)³ представил доказательства того удивительного факта, что выбор сюжета, особенно в драматических произведениях, определяется в первую очередь границами того явления, которое психоаналитики обозначают как «эдипов комплекс»⁴. Творчески воспроизводя этот комплекс – с разнообразными изменениями, искажениями и под множеством личин – драматург стремится выразить глубоко личное отношение к какой-либо аффективной теме. Именно при попытках справиться с эдиповым комплексом, то есть с аффективной установкой индивида применительно к семье или, в более узком смысле, к отцу и матери, отдельные невротики терпят неудачу, а потому этот комплекс чаще всего и оказывается ядром их болезни. Дело тут вовсе не в каком-то непостижимом для нас совпадении ряда элементов и условий; нет, отношение детей к собственным родителям отражает сугубо

² Имеется в виду работа «Значение психоанализа для общественных наук» («Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Geisteswissenschaften»). [О. Ранк – австрийский психоаналитик, автор теории о «первичной травме рождения». Г. Сакс (Закс) – австрийский психоаналитик, ученик и сотрудник Фрейда. – *Примеч. пер.*]

³ «Мотив инцеста в литературе и легенде». – *Примеч. ред.*

⁴ Введенное Фрейдом обозначение влечения ребенка к родителю противоположного пола; см. работы «Три очерка по теории сексуальности», «Тотем и табу», «Я и Оно». – *Примеч. пер.*, ред.

биологический факт: у людей юные проживают длительный период зависимости и медленно достигают зрелости, а их способность любить подвергается в развитии многим испытаниям. Следовательно, преодоление эдипова комплекса совпадает с наиболее надежным способом освоения архаического (животного) наследия человечества. Да, в этом наследии заключены все силы, необходимые для последующего культурного развития личности, но их надлежит тщательно рассортировать и обуздать. Сами по себе остатки архаики непригодны для культурной общественной жизни в том виде, в каком они достаются индивиду по наследству.

В поисках отправной точки для психоаналитического рассмотрения религиозной жизни нужно сделать еще один шаг. Все то, что сегодня считается наследием индивида, ранее усваивалось и передавалось от поколения к поколению в длинной их веренице. Таким образом, эдипов комплекс тоже мог складываться поступательно; изучение предыстории современной психики позволить нам проследить ход его развития. Исследования доказывают, что в незапамятные времена семейная жизнь человека принципиально отличалась от знакомой нам сегодня. Это мнение подтверждается и наблюдениями за живущими ныне первобытными народами. Если изучить с точки зрения психоанализа весь накопленный по этому поводу доисторический и этнологический материал, мы получим неожиданно строгий результат, а именно, установим, что Бог-Отец некогда ходил по земле в телесном воплощении и отправлял верховную власть как вождь первобытной человеческой орды⁵ – до тех пор, пока его сыновья не объединились против отца. Далее выясняется, что это преступное освобождение и отклики на него привели к становлению первых социальных связей, к введению основных нравственных ограничений и к принятию древнейшей формы религии – тотемизма. Позднейшие религии имеют сходное содержание, и, с одной стороны, жаждут стереть из памяти следы этого преступления или его искупить, выдвигая иные способы противостояния отца и сыновей, а с другой стороны, они не могут избежать повторения убийства отца. Впрочем, отзвук этого чудовищного события, омрачившего весь ход развития рода человеческого, мы улавливаем и в мифах.

Эта гипотеза, основанная на наблюдениях Робертсона Смита⁶ и развитая мною в работе «Тотем и табу», стала для Теодора Рейка исходным пунктом его исследований по проблемам психологии религии. В соответствии с психоаналитической процедурой исследования начинаются с необъяснимых по сей день подробностей религиозной жизни, и посредством их разъяснения мы приходим к фундаментальным положениям вероучений и конечным целям религий; кроме того, автор постоянно подчеркивает преемственность между доисторическим человеком и современными примитивными народами, а также неразрывную связь между плодами культуры и замещающими образованиями у невротиков. В заключение хочу особо обратить внимание читателя на авторское введение к тексту и выразить уверенность в том, что эта работа удостоится заслуженного одобрения специалистов в той области знаний, которой она посвящена.

⁵ В литературе по общественным наукам конца XIX – начала XX столетия обозначение «первобытная орда» (Horde) получило довольно широкое распространение после публикации работы Фрейда «Тотем и табу», а сам Фрейд ссылался на рассуждения Ч. Дарвина об организации первобытного общества. – *Примеч. пер.*

⁶ У. Робертсон-Смит – британский востоковед, филолог и библист, автор фундаментального исследования «Религия семитских народов» (1889). – *Примеч. пер.*

Психология масс и анализ человеческого «Я» (1921)

I. Введение

Разница между индивидуальной психологией и психологией социальной (психологией масс), представляющаяся, на первый взгляд, весьма значительной, при внимательном рассмотрении оказывается вовсе не такой уж существенной. Индивидуальная психология выводит свои заключения из наблюдений над отдельным человеком и исследует, каким образом данный человек стремится удовлетворить свои влечения, но надо отдавать себе отчет в том, что лишь в исключительно редких случаях и лишь при определенных условиях можно в этих исследованиях отвлечься от отношений исследуемого человека к другим индивидам. В душевной жизни индивида другой – и это правило – выступает в роли образца, объекта, помощника или противника, и, следовательно, индивидуальная психология изначально является, одновременно, и социальной психологией – в таком расширительном, но вполне оправданном толковании.

Отношение индивида к родителям, братьям и сестрам, к предмету любви, к врачу, а также все отношения, каковы бы до сих пор были предметом психоаналитического исследования, могут претендовать на трактовку их как социальных феноменов, и быть, таким образом, противопоставлены другим феноменам, которые мы можем назвать нарциссическими, то есть феноменами, при которых удовлетворение влечений ускользает от влияния других людей или протекает без взаимодействия с ними. Противоположность между социальными и нарциссическими – Блейлер, вероятно, назвал бы их «аутистическими» – психическими актами находится, следовательно, внутри области индивидуальной психологии и не может быть использована для того, чтобы отграничить ее от социальной психологии (или от психологии масс).

В упомянутых отношениях к родителям, братьям и сестрам, к возлюбленным, друзьям и врачу индивид всегда испытывает влияние очень ограниченного числа лиц, из которых каждое имеет для него огромное значение. В настоящее время принято, говоря о социальной психологии или психологии масс, отвлекаться от этих отношений и выделять в качестве предмета исследования одновременное влияние на индивида большого числа лиц, с которыми он связан в каком-то одном отношении, в то время как во многих других отношениях они остаются ему чуждыми. Социальная психология, или психология масс, занимается, таким образом, отдельным человеком как членом племени, народа, касты, сословия, учреждения или как составной части человеческой толпы, возникшей и организованной в известное время для достижения какой-то конкретной цели. После того, как эта естественная связь разрывалась, было логично рассматривать возникающие в этих особых условиях явления как выражение особого, не сводимого к более простым формам влечения, социального влечения – *herd instinct, group mind* (стадного инстинкта, группового разума, [англ.]), – которые не возникают в других условиях. Против этого можно возразить, что трудно представить себе, будто сама по себе численность может иметь такое большое значение, что она может сама по себе пробудить в человеческой душе новое, дремавшее до той поры влечение. Мы обратим внимание на две другие возможности: социальное влечение не является первичным, элементарным или неразложимым, и начало его формирования находится в пределах более тесного круга, например в семье.

Психология масс находится пока в самом зачаточном состоянии и обнимает необозримое множество отдельных, частных проблем и ставит перед исследователем бесчисленные задачи, которые до сих пор даже отчетливо не сформулированы. Одна только классификация различных форм организации масс и описание присущих им психических феноменов требует огром-

ного числа наблюдений и их обобщения и представления, каковые содержатся в достаточно богатой литературе по этому вопросу. Если сравнить скромный объем данной книжки с огромным объемом литературы, посвященной психологии масс, то нетрудно понять, что в ней будут рассмотрены лишь немногие разделы всего материала. В самом деле, здесь будут рассмотрены лишь те вопросы, которые могут вызвать особый интерес у психоаналитика и заставить его углубленно их исследовать.

II. Душа масс в представлении Лебона⁷

Мне представляется разумным и более целесообразным не давать определение души масс, а начать с указания на область ее проявления и извлечь из нее наиболее заметные и характерные факты, с которых и можно будет начать исследование. Мы достигнем обеих целей, если воспользуемся отрывками из пользующейся заслуженной известностью книги Гюстава Лебона «Психология народов и масс».

Еще раз уясним себе суть дела: если психология, целью которой является изучение наклонностей, влечений, мотивов, взглядов индивида, объясняющих его действия и отношение к своему ближайшему окружению, до конца решит эту задачу и сумеет объяснить все эти взаимоотношения и взаимозависимости, то она неизбежно столкнется с новой, не разрешенной проблемой. Психологии придется объяснить поразительный факт: ставший понятным ей индивид, оказавшись в определенных условиях, начинает абсолютно по-иному чувствовать, мыслить и действовать, то есть вести себя не так, как мы от него ожидаем, и этим условием является присоединение индивида к человеческой толпе, обладающей свойствами некой «психологической массы». Но что представляет собой эта «масса», каким образом приобретает она способность так кардинально и решительно влиять на душевную жизнь индивида, и в чем заключаются психические изменения, каковы они навязывает индивиду?

Для того, чтобы ответить на эти три вопроса, надо привлечь к их решению данные теоретической психологии. Лучше всего начать с попытки ответа на третий вопрос. Наблюдение измененной реакции индивида предоставляет нам материал для изучения психологии масс; каждой попытке объяснения какого-то феномена должно быть предпослано описание того, что подлежит объяснению.

Предоставим слово самому Лебону. Он пишет (стр. 165⁸): «Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющий их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, чувствовал и действовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе, подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие путем этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности».

Мы позволим себе прервать изложение Лебона и сделаем одно важное, на наш взгляд, замечание: если отдельные индивиды в массе объединяются в некоторое единое целое, то должно существовать нечто, что их соединяет, и этим связующим материалом как раз и может быть то, что характерно для массы. Лебон, однако, не отвечает на этот вопрос. Он старается разобраться с изменениями индивида в массе и описывает это изменение выражениями, хорошо согласующимися с фундаментальными предпосылками глубинной психологии.

(Стр. 163). «Нетрудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы. Для того чтобы хоть несколько разяснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно: что явления бессознательного играют выдающуюся роль не

⁷ У Лебона в книге используется термин «душа толпы». – *Примеч. ред.*

⁸ Здесь и далее цитируется по изданию: Лебон Г. «Психология народов и масс». Москва: Издательство «АСТ», 2016. – *Примеч. ред.*

только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Самый тонкий аналитик, самый проницательный наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессознательных двигателей, которым он повинуетя. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности. В этом субстрате заключаются бесчисленные наследственные остатки, составляющие собственно душу расы. Кроме открыто признаваемых нами причин, руководящих нашими действиями, существуют еще тайные причины, в которых мы не признаемся, но за этими тайными есть еще более тайные, потому что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения».

В массе, считает Лебон, исчезают индивидуальные достижения отдельно взятого человека, а следовательно, исчезает и его самобытная оригинальность. На передний план выступает расовое бессознательное, разнородное утопает в однородной массе. Мы можем, таким образом, утверждать, что психологическая надстройка, каковая столь своеобразно развивается у каждого индивида, разрушается и исчезает, и при этом обнажается одинаковый у всех членов массы бессознательный фундамент.

Таким образом мог бы осуществиться усредненный характер человека толпы. Правда, Лебон утверждает, что у людей, составляющих массу, проявляются новые качества, каковыми они до объединения в массу не обладали. Это утверждение Лебон обосновывает тремя главными аргументами.

(Стр. 165). «Первая из этих причин заключается в том, что индивид в толпе приобретает благодаря только численности сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда он бывает один. В толпе же он тем менее склонен обуздывать эти инстинкты, что толпа анонимна и потому не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

С нашей точки зрения, однако, не следует придавать столь большое значение появлению новых качеств. Будет достаточно сказать, что в массе индивид попадает в такие условия, которые позволяют ему отбросить прочь вытеснение его бессознательных влечений. Эти якобы новые свойства, проявленные индивидом, суть всего лишь отражение бессознательного, в котором таится все зло человеческой души; легко понять происходящее в таких условиях исчезновение совести или чувства ответственности. Мы уже давно придерживаемся того взгляда, что ядром так называемой совести необходимо является «социальный страх».

Известные отличия взглядов Лебона от наших взглядов заключаются в том, что его понимание бессознательного не совпадает с пониманием бессознательного в психоанализе. Бессознательное Лебона прежде всего содержит глубочайшие отличительные признаки расовой души, которую психоанализ, собственно говоря, исключает из рассмотрения. Мы, однако, признаем, что ядро человеческого «я», которому принадлежит «архаическое наследие» человеческой души, является бессознательным, но при этом мы выделяем «вытесненное бессознательное», каковое является производным некоторой части этого наследия. Понятие вытесненного отсутствует у Лебона.

(Стр. 165). «Вторая причина – заразительность, или зараза, также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные

интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и поэтому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы».

Эта последняя фраза позднее послужит нам основанием для одного важного предположения.

(Стр. 165). «Третья причина, и притом самая важная, обуславливающая появление у индивидов в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, это – восприимчивость к внушению; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости. Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность, и он подчиняется всем внушениям лица, заставившее его прийти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин, – неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта... Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же, как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера.

Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью, в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности».

(Стр. 166). «Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи – вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть сам собою и становится автоматом, у которого своей воли не существует».

Я привел такую подробную и обширную цитату для того, чтобы подтвердить, что Лебон действительно считает состояние индивида в толпе гипнотическим, а не просто похожим на гипнотическое. Мы не видим в этом никакого противоречия, но хотим лишь подчеркнуть, что две последние причины изменения поведения индивида в толпе – зараза и высокая внушаемость – не тождественны друг другу, так как зараза является следствием внушаемости, а не наоборот. Представляется, что влияние обоих моментов в тексте Лебона отчетливо не разграничено. Может быть, наше истолкование его мнения будет наилучшим, если мы объясним заразу взаимным гипнотическим влиянием отдельных членов толпы друг на друга. В то же время явления внушения в толпе, возникающие одновременно с феноменами гипнотического влияния, указывают на иной, внешний по отношению к толпе источник. Что же это за источник? У нас должно возникнуть ощущение неполноты, оттого что одна из главных составных частей этого уравнения, а именно человек, играющий в глазах толпы роль гипнотизера, в тексте Лебона не упоминается вовсе. Тем не менее, он отличает от этого, остающегося во мраке околдовывающего влияния, некое заразительное действие, каковое оказывают друг на друга составляющие толпу индивиды, и это действие усиливает первоначальную суггестию.

Вот, однако, еще один пункт, важный для суждения об индивиде, составляющем часть толпы:

(Стр. 167) «Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе – это варвар, т. е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку».

Лебон в особенности подчеркивает снижение интеллектуальных способностей, характерное для человека, присоединившегося к толпе⁹.

Оставим теперь в покое индивида и обратимся к описанию души толпы в том виде, в каком ее представляет себе Лебон. Здесь мы не видим ни одной черты, выявление и оценка которой представляла бы трудность для психоаналитика. Собственно, Лебон сам указывает нам путь к разгадке, говоря об аналогии с душевной жизнью первобытных людей и детей (стр. 169).

Толпа импульсивна, переменчива и раздражительна. Толпа управляется почти исключительно сферой бессознательного. Импульсы, которым подчиняется масса, могут, в зависимости от обстоятельств, быть благородными или грубыми, героическими или трусливыми, но в каждом случае, однако, они являются настолько императивными, что подминают под себя всякие личностные качества и даже ослабляют инстинкт самосохранения (стр. 170). У толпы нет преднамеренных целей. Даже если толпа страстно чего-то жаждет, то это устремление никогда не является продолжительным; к упорной воле толпа не способна. Толпа не выносит никакого промедления между появлением желания и его осуществлением. Толпа ощущает себя всемогущей, у индивида в толпе исчезает понятие о невозможном.

Толпа исключительно легко поддается внушению, она легковерна и лишена критики, для толпы не существует невероятного. Толпа мыслит образами, которые по поверхностным ассоциациям возникают один из другого, как это бывает у человека, находящегося во власти свободных фантазий, не имеющих никакого реального отношения к действительности. Чувства массы всегда очень просты и избыточны. Толпа не знает ни сомнений, ни ощущения неопределенности.

В толковании сновидений, из которого мы почерпнули самые достоверные сведения о бессознательной душевной жизни, мы следуем техническому правилу, в соответствии с которым не обращаем внимания на сомнения и неуверенность в рассказах о сновидениях и рассматриваем каждый содержательный элемент сновидения как абсолютно достоверный. Мы считаем сомнения и неуверенность следствием влияния цензуры, которой подвергается воспоминание о сновидении, и принимаем, что первичные мысли сновидений не знают сомнений и неуверенности, так как лишены всякой критики. Тем не менее, сомнения и неуверенность могут, как и все прочее, иметь место в сновидениях, как остатки дневных впечатлений. (См. «Толкование сновидений»).

Толпа в своих действиях немедленно переходит к крайностям, любое высказанное подозрение тотчас превращается в толпе в неопровержимую истину, зародыш антипатии превращается в дикую ненависть (стр. 182).

Именно такое усиление и доведение до крайности всех чувств составляет содержание аффективной жизни ребенка, и оно же воспроизводится в жизни сновидения, где, благодаря господствующему в подсознании усилению и выделению отдельных эмоциональных побуждений, легкое раздражение наяву, направленное против какого-либо человека, может во сне превратиться в пожелание ему смерти, а намек на искушение превращается в причину пре-

⁹ Ср. «Каждый отдельно взятый сносно умен и понятлив; в полном составе они: тотчас пред вами глупец». (Ф. Шиллер).

ступления, имеющего место в сновидении. Относительно этого факта доктор Ганс Сакс сделал очень пронизательное замечание: «То, что сновидение сообщило нам об отношении к реальной действительности, мы затем хотим отыскать в сознании, и не должны удивляться, если чудовище, виденное нами сквозь увеличительное стекло анализа, окажется всего лишь инфузорией» («Толкование сновидений»).

Склонная ко всяческим крайностям масса возбуждается лишь чрезмерными раздражителями. Тот, кто хочет воздействовать на толпу, не нуждается в логически обоснованных аргументах, он должен рисовать впечатляюще сильные картины, преувеличивать и повторять одно и то же.

Поскольку масса не испытывает сомнений относительно истинности или ложности чего бы то ни было и отчетливо ощущает свою силу, постольку она отличается крайней нетерпимостью, но легко верит авторитету. Она уважает силу и слабо поддается влиянию доброты, которую считает своего рода слабостью. От своих героев толпа требует силы и даже насилия. Она хочет, чтобы над ней господствовали, чтобы ее подавляли, она хочет бояться своего повелителя. Консервативная по своей сути масса испытывает глубочайшее отвращение ко всем новшествам и прогрессу, но испытывает безграничный трепет перед традицией (стр. 187).

Чтобы составить правильное суждение о нравственности массы, надо принять во внимание, что у всех индивидов, составляющих массу, отказывает всякое индивидуальное торможение, и все грубые, жестокие и разрушительные инстинкты, представляющие собой пережитки первобытной дикости и дремлющие в человеческой душе, пробуждаются для свободного следования влечениям. Надо, однако, заметить, что под влиянием внушения высоких нравственных категорий масса способна на самоотречение, бескорыстие и жертвенность во имя благородных идеалов. И если для изолированного индивида личная выгода практически всегда является двигательной пружиной его действий, в толпе личная выгода отступает на задний план. Можно даже говорить об облагораживающем влиянии массы на отдельного индивида (стр. 188). В то время как интеллектуальная деятельность массы всегда сильно отстает от интеллектуальной деятельности отдельно взятого индивида, в нравственном отношении поведение толпы может или далеко превосходить поведение отдельного индивида, или пасть намного ниже его.

Характеристика, данная Лебоном, проливает свет на оправданность сравнения души массы с душой первобытного человека. В массе могут легко ужиться рядом две взаимоисключающие друг друга идеи, и при этом их соседство не приводит к логическому конфликту. То же самое происходит в бессознательной душевной жизни индивидов, детей и невротиков, что уже давно было убедительно доказано психоанализом.

Например, у маленького ребенка в течение довольно длительного времени могут существовать амбивалентные чувства в отношении самого близкого ему человека, и при этом проявление одной из установок не мешает проявлению другой, ей противоположной. Когда же между противоположными установками наконец развивается конфликт, он разрешается в результате того, что ребенок меняет объект, одно из амбивалентных чувств смещается на замещающий объект. Из истории развития невроза у взрослого пациента можно вывести, что подавленное чувство – иногда весьма продолжительное время – продолжает существовать в бессознательном, а иногда и в осознаваемых фантазиях, содержание которых прямо противоречит доминирующему устремлению, и при этом из такой противоречивости не рождается протест «я» против того, что оно, естественно, отвергает. Такие фантазии некоторое время остаются терпимыми – до тех пор, пока (как правило, вследствие повышения аффектации) ситуация не взрывается и не возникает конфликт между фантазиями и «я» со всеми вытекающими из этого последствиями.

В процессе развития человека от ребенка до зрелой взрослой личности происходит нарастающая интеграция личности, объединение независимых вначале инстинктивных влече-

ний и специфических устремлений. Аналогичный процесс в сфере сексуальной жизни давно известен нам как объединение всех половых влечений в окончательно оформившуюся генитальную организацию. («Очерки по теории сексуальности», 1905). Впрочем, многочисленные примеры указывают на то, что объединение «я» может быть в такой же степени нарушенным, как и объединение либидо – как показывает пример естествоиспытателей, верующих в Священное Писание.

Масса, помимо прочего, легко подчиняется поистине магической силе слов, каковые могут вызвать в душе массы ужаснейшие бури, но могут ее и успокоить (стр. 227). «Ни рассудок, ни убеждение не в состоянии бороться против известных слов и известных формул. Они произносятся перед толпой с благоговением, – и тотчас же выражение лиц становится почтительным, и головы склоняются. Многие сравнивают такие слова с силами природы или даже со сверхъестественной властью» (стр. 227). Здесь было бы уместно вспомнить табу имен у первобытных народов, о магической силе, каковую эти народы приписывали именам и словам.

И, наконец, массы никогда не знали жажды истины. Массы требуют иллюзий, без которых не могут обойтись. Мнимое всегда имеет у них преимущество перед реальным, не существующее влияет на них почти так же сильно, как действительность. Масса обладает явной склонностью не делать различий между ними (стр. 197).

Мы показали, что определяющим фактором в психологии невротиков является доминирование фантастической жизни и обусловленных неисполнением иллюзорных желаний. В своих исследованиях мы обнаружили, что для невротиков имеет значение не обычная объективная реальность, а реальность психическая. Истерический симптом зиждется на фантазии, а не на воспроизведении пережитой реальности; навязчивое невротическое осознание вины зиждется на факте неосуществленного злого умысла. Так же, как в сновидении и при гипнозе, в душевной деятельности толпы доказательства реальности отступают на задний план перед силой аффективно окрашенных желаний.

О вождях массы Лебон говорит менее исчерпывающе; в изложении Лебона мы не усматриваем здесь никаких отчетливых закономерностей. Лебон считает, что как только живые существа объединяются в известном количестве – не важно, будет ли это стадо животных или человеческая толпа, – они немедленно и инстинктивно подчиняются авторитету вожака (стр. 239). Масса – это покорное стадо, не способное жить без господина. Масса обладает таким жадным стремлением к подчинению, что инстинктивно готова пасть к ногам любого, кто объявит себя ее вождем.

Помимо того, однако, что масса испытывает инстинктивную потребность в вожде, он, тем не менее, должен обладать определенными личностными качествами. Он должен сам искренне верить в идею, чтобы пробудить такую же веру в массу, вождь должен обладать сильной, вызывающей всеобщее восхищение волей, каковой он заражает безвольную массу. Далее Лебон обсуждает различные типы вождей и те средства, с помощью которых они воздействуют на массу. В целом Лебон считает, что вождь влияет на массу фанатизмом, с которым он сам верит в идеи, которые хочет ей внушить.

Этим идеям, так же, как и самим вождям, Лебон приписывает таинственную и непреодолимую силу, каковую он называет «обаянием». Обаяние – это своеобразное господство над нами со стороны индивида, произведения или идеи. Обаяние парализует нашу способность к критике и наполняет нас благоговейным восхищением и вниманием. Обаяние вызывает чувство, сходное с гипнотическим трансом (стр. 250).

Лебон различает приобретенное, или искусственное, обаяние и обаяние личное. В первом случае обаяние достигается именем, богатством, репутацией; обаяние мировоззрений, произведений искусства и т.п. создается традицией. Так как обаяние во всех случаях опирается на прошлое, оно, само по себе, мало дает для понимания своего загадочного влияния. Личное обаяние характерно для немногих людей, каковые в силу этого своего обаяния ста-

новятся вождями. Именно своему обаянию эти люди обязаны тем, что все подчиняются им, словно под воздействием некоего магнетического волшебства. Однако всякое обаяние зависит от успеха и может быть утрачено при неудаче (стр. 260).

Вообще, при чтении Лебона не создается впечатление, что он верно связывает роль вождя и важность обаяния с блестящим описанием души массы.

III. Другие оценки коллективной душевной жизни

Мы воспользовались изложением Лебона как введением, поскольку то значение, какое он придает бессознательной душевной жизни, в большой степени совпадает с нашими воззрениями на психологию. К этому, правда, надо добавить, что ни одно из утверждений автора не является чем-то принципиально новым. Все то уничтожающее и уничижительное, что Лебон говорит о проявлениях массовой души (души масс), было уже сказано до него другими с той же определенностью и той же враждебностью, все это с древнейших времен говорили и писали мыслители, государственные деятели и поэты. Оба положения, содержащие важнейшие взгляды Лебона – положение о коллективном подавлении интеллектуальной деятельности и положение об усилении аффекта в массе, были до него сформулированы Шипио Сигеле. В сущности, на долю Лебона остаются лишь две точки зрения на бессознательное и сравнение душевной жизни массы с душевной жизнью первобытных народов, хотя и эти вопросы затрагивались в литературе и до Лебона.

Мало того, описание и оценка души массы в том виде, как ее преподносят Лебон и другие, ни в коем случае не остались неизменными. Нет сомнения в том, что все ранее описанные феномены массовой души верно соответствовали наблюдениям, но есть, однако, и другие, противоположные проявления массы, позволяющие дать ее душевной жизни намного более высокую оценку.

Сам Лебон тоже был готов признать, что нравственность массы при определенных условиях может оказаться выше, чем нравственность каждого из составляющих массу индивидов, и что только собранные в толпу люди способны на величайшее бескорыстие и самоотверженность.

(Стр. 189): «Личный интерес очень редко бывает могущественным двигателем в толпе, тогда как у отдельного индивида он занимает первое место».

Другие считают, что именно общество предписывает индивиду нравственные нормы, в то время как индивид, как правило, отстает от этих высоких требований. В исключительных состояниях именно в толпе проявляется феномен воодушевления, благодаря которому толпа становится способной на прекрасные и возвышенные поступки.

В том же, что касается интеллектуальной деятельности, то надо, конечно, констатировать, что великие достижения мысли, значимые открытия и разрешения сложных проблем доступны лишь индивидам, работающим в уединении. Но, однако, и душа массы способна на гениальные духовные творения, каковыми являются язык, народные песни, фольклор и т. п. Помимо этого, можно лишь догадываться, скольким обязаны своими озарениями отдельные мыслители и поэты массе, среди которой они живут. Возможно, что они являются лишь исполнителями духовной работы, в которой участвуют и многие другие.

Перед лицом этого противоречия может показаться, что вся работа психологии масс едва ли окажется плодотворной. На самом деле, однако, обнадеживающий выход есть, и найти его очень легко. Вероятно, термином «массы» объединяют самые разнообразные феномены, которые требуется отделить друг от друга. Рассуждения Сигеле, Лебона и других исследователей относятся к массам недолговечным, которые быстро возникают из самых разнородных индивидов под влиянием скоропреходящих интересов. Нет никакого сомнения в том, что на описания этих авторов большое влияние оказали революционные массы, в особенности массы Великой Французской революции. Противоположные утверждения основаны на оценках тех устойчивых масс, каковые воплощаются в стабильных общественных институтах. Массы первого рода относятся к массам второго рода так же, как высокие ветровые волны относятся к невысоким, но длинным волнам морской зыби.

Макдугалл, который в своей книге «*The Group Mind*» («Групповое сознание») исходит именно из упомянутого выше противоречия, находит его разрешение в моменте организации. В простейшем случае, утверждает Макдугалл, масса (*the group*), вообще, не обладает никакой организацией или имеет начатки организации, не заслуживающие, впрочем, такого названия. Таковую массу Макдугалл обозначает словом «толпа». Тем не менее, он признает, что собрать толпу – непростое дело, что толпа образуется под влиянием неких начатков организации, и именно в этих простых массах с наибольшей легкостью распознаются основные факты коллективной психологии. Для того, чтобы из случайно собравшихся членов человеческой толпы образовалось нечто похожее на массу в психологическом смысле, должно быть соблюдено следующее условие: эти индивиды должны иметь между собой что-то общее: общий интерес к некоему объекту, общую направленность чувств в известной ситуации и (я бы сказал, что вследствие этого) известную степень способности влиять друг на друга. (*Some degree of reciprocal influence between the members of the group*). Чем сильнее эта общность (*this mental homogeneity*), тем легче образуется из отдельных индивидов психологическая масса и тем заметнее становятся проявления души массы.

Самым поразительным, но в то же время самым важным феноменом, характеризующим массу, является повышение аффективности каждого индивида в массе (*exaltation or intensification of emotion*). Можно сказать, замечает Макдугалл, что аффекты человека едва ли достигают такой силы в условиях иных, нежели в массе; это очень приятное чувство для участников, которые имеют возможность безгранично отдаться своим страстям, теряя чувство индивидуального обособления и полностью сливаясь при этом с массой. Это увлечение индивидов потоком массы Макдугалл объясняет исходя из изобретенного им принципа прямого внушения эмоций путем примитивных симпатических реакций (*principle of direct induction of emotion by way of primitive sympathetic responses*), то есть из уже давно известной нам заразительности чувств. Давно известен тот факт, что внешние признаки аффективного состояния могут автоматически вызвать тот же аффект у стороннего наблюдателя. Это автоматическое принуждение будет тем сильнее, чем больше в толпе людей с внешними проявлениями такого аффекта. Критическое мышление индивида отказывает и умолкает, и он сам отдается этому аффекту. При этом он усиливает возбуждение других индивидов, которые, в свою очередь, продолжают влиять на него самого, и взаимное возбуждение повышает общий градус аффекта в толпе. При этом проявляется необоримая тяга действовать заодно с другими, быть равным со всеми. С наибольшей вероятностью в массе таким способом распространяются именно самые грубые и самые простые чувства.

Этому механизму повышения аффективности в еще большей степени благоприятствуют некоторые другие, исходящие от массы влияния. Масса производит на индивида впечатление неограниченной непреодолимой и опасной силы. Толпа на краткий миг занимает место всего человеческого общества, которое воплощает в себе высший авторитет, наказания которого люди боятся; общества, в угоду которому люди накладывают на себя столь много разных ограничений. Сознвая очевидную опасность вступления в противоречие с обществом, люди чувствуют себя в безопасности, следуя примеру ближайшего многочисленного окружения, и даже начинают «выть по-волчьи». Повинуясь новому авторитету, индивид получает право исключить «совесть» из мотивов своих действий и при этом поддаться соблазну получения удовольствия, к которому человек стремится, отбрасывая задержки и подавление. В общем, не вызывает удивления тот факт, что индивид в массе совершает или одобряет такие вещи, от которых он с отвращением отвернулся бы в своих обычных жизненных условиях, и мы должны надеяться, что это позволит нам немного рассеять тьму, окружающую загадочное слово «внушение».

Сам Макдугалл тоже не возражает против утверждения о подавлении интеллектуальной деятельности в массе. Макдугалл говорит, что более высокий интеллект снижается под влия-

нием более низкого, спускаясь на его уровень. Высокий интеллект подавляется, так как повышение аффективности вообще создает неблагоприятные условия для умственной и духовной работы, так как индивид обычно бывает запуган массой, так как мышление индивида теряет свою свободу и так как у каждого индивида ослабляется чувство ответственности за свои действия.

Общее суждение о психической деятельности простой «неорганизованной» массы у Макдугалла такое же негативное, как и у Лебона: масса легко возбудима, импульсивна, подвержена слепым страстям, непостоянна, непоследовательна, нерешительна, но при этом готова к любым крайностям в своих поступках, восприимчива только к грубым страстям и самым элементарным чувствам, чрезвычайно внушаема, легкомысленна в своих суждениях, без рассуждений выносит приговоры, откликается лишь на самые простые и несовершенные заключения и аргументы, легко управляема. Массу легко утратить, у нее отсутствует самосознание, самоуважение и чувство ответственности, но, сознавая свою силу, она готова к любым преступлениям, которых мы можем ожидать лишь от самой абсолютной и безответственной власти. Таким образом, масса ведет себя как невоспитанный ребенок или как страстный необузданный дикарь в незнакомой для него ситуации; в самых худших случаях поведение толпы больше похоже на поведение стаи диких зверей, чем на поведение собрания человеческих существ.

Так как Макдугалл противопоставляет поведение высокоорганизованной массы поведению массы, описанной выше, то нам было бы в высшей степени интересно узнать, в чем заключается организованность массы и какими моментами она определяется и устанавливается. Автор насчитывает пять таких *principal conditions* (основных условий), необходимых для перехода душевной жизни массы на более высокий уровень.

Первым условием является известная степень постоянства в составе массы. Постоянство это может быть материальным или формальным. В первом случае в массе длительное время находятся одни и те же люди, а во втором случае внутри массы устанавливаются некие постоянные роли, и эти роли исполняют сменяющие друг друга индивиды.

Второе условие заключается в том, что у индивида, входящего в массу, вырабатывается определенное представление о природе, функции, деятельности и требованиях массы, и на основании этих представлений формируется отношение к массе, как единому целому.

Третье условие: масса вступает в какие-то отношения с другими, похожими на нее массами, но все же отличающимися во многих отношениях, что дает повод для соперничества с ними.

Четвертое условие заключается в том, что в такой массе возникают традиции, обычаи и учреждения, в особенности, такие, которые определяют отношения членов массы друг к другу.

Пятое условие состоит в том, что масса претерпевает расчленение; при таком расчленении происходит дифференциация, в результате которой каждый индивид выполняет в массе особую, отведенную ему функцию.

По мнению Макдугалла, при соблюдении этих условий масса освобождается от своих психических недостатков. От коллективного подавления интеллектуальной деятельности такая масса защищается тем, что решение интеллектуальных проблем изымается из юрисдикции массы и поручается отдельным индивидам – членам массы.

Нам представляется, что условие, обозначаемое Макдугаллом как «организация» массы, можно с большим правом описать по-другому. Задача при этом заключается в том, чтобы создать у массы те свойства, которые были характерны для индивида, но угасли при его присоединении к массе. Дело в том, что вне примитивной массы индивид обладал собственной цельностью, самосознанием, традициями и привычками, особой работоспособностью и направленностью мышления, что отличало его от других индивидов, с которыми он соперничал в обыденной жизни. Это своеобразие индивид на короткое время теряет после присоединения к «неорганизованной» массе. Если считать целью наделение массы атрибутами индивида, то

будет полезно вспомнить содержательное замечание Троттера, который в склонности к образованию массы усматривал продолжение биологической тенденции высших организмов к многоклеточности.

IV. Внушение и либидо

Мы исходим из того основного факта, что индивид в массе часто претерпевает под ее влиянием глубокие изменения в своей психической деятельности. Аффективность индивида значительно возрастает, а интеллектуальная составляющая так же значительно слабеет. Оба эти процесса направлены на уравнивание с другими членами массы; достичь осуществления этих процессов можно лишь в случае ослабления торможения инстинктивных влечений и отказа от специфических индивидуальных наклонностей. Мы слышали, что эти нежелательные влияния могут быть – во всяком случае, отчасти – ослаблены высокой «организацией» масс, но основному факту психологии масс, положениям о повышенной аффектации и сниженной умственной деятельности в примитивной толпе это утверждение несколько не противоречит. Наша задача – найти психологическое объяснение для такого душевного переворота в психике индивида.

Рациональные объяснения вроде уже упомянутого устрашения индивида в массе, какое включает его инстинкт самосохранения, не могут прояснить суть наблюдаемых феноменов. Социологи и специалисты по психологии масс всегда предлагали для объяснения одно и то же, хотя и под разными названиями, и волшебным словом здесь будет суггестия, сиречь внушение. Тард называет это подражанием, но мы должны признать, что прав автор, напоминающий нам, что подражание подпадает под понятие суггестии и является ее прямым следствием. У Лебона все странное и непонятное в социальных явлениях приписывается двум факторам – взаимному внушению составляющих толпу индивидов и обаянию вождя. Однако и само обаяние проявляет себя во влиянии, обусловленном внушением. При анализе утверждений Макдугалла у нас может сложиться впечатление, что его принцип «первичной индукции аффекта» позволяет исключить из рассмотрения внушение, но по зрелом размышлении мы все же должны признать, что этот принцип выражает не что иное, как уже известные нам «подражание» или «заразительность», но дополнительно подчеркивает их аффективную составляющую. Нет никакого сомнения в том, что у нас есть склонность впадать в аффект, если мы наблюдаем этот аффект у других, но зачастую мы успешно противостояем этому искушению и реагируем на чужой аффект совершенно противоположным образом. Так почему же в массе мы заражаемся аффектом, и это правило, а не исключение? Наверное, на это надо сказать, что это суггестивное воздействие массы заставляет нас подчиниться склонности к подражанию, тем самым индуцируя в нас аффект. Впрочем, и Макдугалл не обходится без внушения; от него мы, как и от других, слышим: для масс характерна особая внушаемость.

Теперь мы подготовлены к тому, чтобы принять утверждение о том, что внушение (правильнее, однако, сказать, внушаемость) является не сводимым к более простым элементам первичным феноменом, основным фактом душевной жизни человека. Такого же мнения придерживался и Бернгейм, свидетелем удивительного искусства которого мне привелось быть в 1889 году. Но, помнится, я уже тогда испытывал глухое раздражение в отношении тирании вездесущей суггестии. Когда на больного, не поддававшегося внушению, начали кричать: «Что вы делаете? Вы не поддаетесь суггестии!» – я сказал себе, что это откровенная несправедливость и насилие над личностью. Человек имеет полное право сопротивляться внушению, если с его помощью этого человека хотят подчинить. Мое сопротивление позже приняло несколько иную направленность: как получилось, что внушение, с помощью которого пытались все объяснить, само по себе как феномен не имеет убедительного объяснения? В отношении внушения я часто повторял старую шутку:

Христофор несет Христа,
А Христос весь мир.

Скажи-ка, а куда упиралась
Христофорова нога?

Christophorus Christum, sed Christus sustulit orbem:
Constiterit pedibus die ubi Christophorus?

Обратившись к проблеме внушения после тридцатилетнего перерыва, я обнаружил, что в ней ничего не изменилось. Я могу решительно это утверждать, если не принимать во внимание единственное исключение, обусловленное влиянием психоанализа. Видно, как много усилий прилагают к тому, чтобы корректно сформулировать понятие суггестии, то есть сделать употребление этого термина конвенциональным, и это нелишне, ибо это слово получает все большее и большее распространение при искажении первоначального смысла, и им скоро будут обозначать какое угодно влияние, как в английском языке, где *to suggest, suggestion* соответствует нашим понятиям «предлагать, рекомендовать; побуждение». Однако относительно сущности внушения, то есть относительно условий, при которых влияние осуществляется без достаточного логического обоснования, никаких объяснений не существует. Я не стану сейчас подкреплять это утверждение анализом литературы за последние тридцать лет, поскольку в настоящее время готовится подробное исследование на эту тему.

Вместо этого я попытаюсь для объяснения психологии масс использовать понятие либидо, которое сослужило нам хорошую службу при изучении неврозов.

Либидо – это термин, взятый из учения об аффектах. Так мы называем рассматриваемую нами как количественную величину – хотя ее пока никто не измерил – энергию таких влечений, которые имеют дело с феноменами, каковые можно обозначить общим понятием «любовь». Ядром того, что мы называем любовью, действительно является то, что называют любовью в обыденной речи, и то, что воспевают поэты – то есть половую любовь, имеющую целью половое соитие. Однако от этого понятия мы не отделяем все остальное, ассоциирующееся со словом любовь, – любовь к себе, любовь к родителям и детям, дружбу и человеколюбие, не отделяем мы от понятия любви и привязанность к конкретным предметам и приверженность абстрактным идеям. Оправданием такого подхода являются выводы психоаналитических исследований о том, что все эти устремления являются выражением одних и тех же влечений, которые толкают людей к половому соитию, но в некоторых условиях сексуальная цель подменяется другой целью, или влечение просто тормозится, но при этом во влечении всегда сохраняется достаточная часть первоначальной сущности, и влечение сохраняет свою идентичность, характеризуясь некоторыми присущими любви чертами – способностью к самопожертвованию, стремлением к близости и т. д.

Мы считаем, что язык, употребляя слово «любовь» во всех его многообразных смыслах, создал очень сильное и оправданное обобщение, и самое лучшее, что мы можем сделать – это положить это слово в основу наших научных изысканий и представлений. Этим действием психоанализ вызвал бурю возмущения, словно такое употребление является неким недопустимо преступным новшеством. Должен, однако, сказать, что таким «расширительным» толкованием любви психоанализ не создал ничего оригинального. Эрос философа Платона по своему происхождению, действиям и отношению к половой любви полностью совпадает с любовной силой – либидо – психоанализа, как об этом писали Нахмансон и Пфистер, а когда апостол Павел в своем знаменитом Послании к коринфянам превозносит любовь над всеми иными чувствами, он, несомненно, понимает ее именно в таком «расширенном» смысле, откуда следует, что люди не всегда всерьез воспринимают своих мыслителей, даже когда благоговейно им поклоняются.

Это любовное влечение в силу вышеизложенного и происхождения называется в психоанализе сексуальным влечением. «Образованные» люди, в своем большинстве, восприняли такое название как оскорбление и отомстили психоанализу тем, что обвинили его в «пансек-

суализме». Тем, кто находит сексуальность чем-то постыдным и унижительным для человеческой природы, можно посоветовать использовать более приятные для слуха выражения «эрос» и «эротика». Я мог бы с самого начала поступить так же, чем избежал бы множества упреков. Однако я не стал этого делать, чтобы не уступать собственному малодушию. Нельзя было идти по такому скользкому пути: сначала уступаешь на словах, а потом уступишь и на деле. Я не нахожу никакой доблести в том, чтобы стыдиться сексуальности; греческое слово «эрос», какое должно смягчить оскорбление нежных чувств, в точности соответствует нашему немецкому слову «любовь»; а, кроме того, тот, кто имеет возможность ждать, не должен делать уступок.

Предположим, однако, что любовные отношения (если выражаться более индифферентно: чувственные отношения) составляют сущность души масс. Надо при этом вспомнить, что об этом нет ни слова у цитируемых нами авторов. То, что соответствует любовным отношениям, скрыто, очевидно, за ширмой внушения или суггестии. Это предположение подкрепляется двумя очевидными мыслями. Во-первых, мыслью о том, что масса удерживается вместе, очевидно, какой-то силой. Чем может быть эта сила, как не эросом, который удерживает и скрепляет все в этом мире? Во-вторых, мыслью о том, что, наблюдая индивида в массе, невозможно отделаться от ощущения, что человек в массе, отказываясь от своей индивидуальной оригинальности и подпадая под воздействие суггестии, делает так, потому что испытывает потребность быть в массе, а не выступать против нее, то есть, возможно, поступает массе «в угоду».

V. Две искусственные массы: церковь и армия

Относительно морфологии масс надо вспомнить, что можно выделить очень много видов масс и не меньше противоречащих друг другу принципов их организации. Есть массы летучие, эфемерные, а есть массы устойчивые; массы однородные, состоящие из похожих друг на друга индивидов, и массы неоднородные; естественные массы и искусственные, для организации которых необходимо приложение внешней силы; примитивные массы и высокоорганизованные. По некоторым соображениям нам хотелось бы обратить особое внимание на одно различие, ускользнувшее от внимания рассмотренных нами авторов; я имею в виду различие между массами без вождей и массами с вождями. Вопреки устоявшейся традиции мы в качестве исходного пункта выберем не относительно простую массу, а высокоорганизованные, устойчивые и долговечные искусственные массы. Самые интересные примеры таких структур – это церковь – община верующих, и армия – войско.

Церковь и войско – искусственные массы, то есть необходимо приложить извне известное принуждение, чтобы уберечь их от распада и предупредить изменение их структуры. Как правило, человека не спрашивают, хочет ли он вступить в эту массу, как и не предоставляют ему свободное право сделать это; тем не менее, попытка выхода обычно преследуется, наказывается или обставляется некими вполне определенными условиями. Вопрос о том, почему эти объединения нуждаются в таких особых сохраняющих мероприятиях, выходит за пределы рассмотрения настоящего труда. Нас здесь привлекает только одно обстоятельство: в этих, защищенных большими усилиями от распада массах можно с большой отчетливостью различить известные отношения, которые в других массах более скрыты.

В церкви – в качестве примера можно привести католическую церковь – так же, как и в войске (как бы велика ни была разница между ними) существует иллюзорное представление о том, что существует главный начальник – в католической церкви Христос, а в армии главнокомандующий – который одинаково любит всех членов массы. От этой иллюзии зависит все: если она исчезает, то тотчас распадется – какие бы усилия ни предпринимались для спасения – и церковь и армия. Христос говорил об этой любви прямо и открыто: Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из братьев моих меньших, то сделали мне. В отношении массы верующих Христос является добрым старшим братом, он заменяет им отца. Все требования к индивидам выводятся из этой любви. Демократичность церкви определяется именно тем, что все равны перед Христом, он всем уделяет равную часть своей любви. Не без глубоких оснований однородность христианской общины сопоставляют с семьей, а верующие называют себя братьями и сестрами во Христе, то есть братьями в любви, которой одаривает их Христос. Нет никакого сомнения в том, что единение каждого индивида с Христом является причиной единения членов церкви друг с другом. То же самое можно сказать и о войске: его главнокомандующий – это отец, который одинаково любит всех своих солдат, и именно поэтому они являются друг другу боевыми товарищами. Войско в своей структуре отличается от церкви тем, что состоит из иерархической лестницы таких масс. Каждый капитан является одновременно начальником и отцом солдат своего отряда, а каждый унтер-офицер – отцом-командиром солдат своего взвода. Такая же иерархия, правда, создана и в церкви, но здесь иерархия не играет такой самодовлеющей роли, так как знание людей и заботу о них в большей степени приписывают Христу – богу, а не пастырю – человеку.

Против такого понимания либидинозной структуры армии можно с полным правом возразить, что идеи отечества, национальной чести и т. п., каковые очень важны для сохранения армии, не нашли отражения в моих рассуждениях. На это можно ответить, что это другой, более сложный случай массы, а примеры великих полководцев – Цезаря, Валленштейна, Наполеона – показывают, что эти идеи не являются необходимым условием сохранения армии. О

возможной замене вождя руководящей идеей и соотношении между вождем и идеей мы будем говорить немного ниже. Пренебрежение этим либидинозным фактором в армии, даже если не он один играет организующую и сохраняющую роль, является большим теоретическим дефектом, а в практическом плане чреват опасностью. Прусский милитаризм, страдающий отсутствием психологичности в той же мере, что и немецкая наука, ощутил это на собственном опыте в период Великой мировой войны. Военные неврозы, разложившие германскую армию, явились протестом индивида против роли, навязанной ему в армии, и, согласно исследованиям Э. Зиммеля, можно утверждать, что безразличное отношение командиров к своим солдатам явилось главной причиной массового заболевания неврозами. При лучшей оценке значимой роли либидо фантастические посулы четырнадцати пунктов американского президента, вероятно, не нашли бы такой поддержки и веры, и верное оружие не сломалось бы в руках немецких военачальников.

Отметим, что в обеих этих искусственных массах каждый индивид проявляет либидинозную привязанность, с одной стороны, к вождю (Христу, главнокомандующему), и к другим индивидам, составляющим массу – с другой. Как обе эти связи соотносятся друг с другом и как описать их в понятиях психологии, станет предметом нашего исследования несколько позже. Но уже сейчас мы можем бросить разобранном нами авторам упрек в том, что они в недостаточной мере оценили значение вождя для психологии массы. Мы же выбрали этот предмет первым в нашем исследовании, чем поставили себя в выгодное положение. Нам представляется, что мы находимся на правильном пути, который позволит нам прояснить главное проявление психологии масс – несвободу индивида в массе. Если каждый индивид в массе испытывает чрезвычайно сильную эмоциональную привязанность в двух направлениях, то нам будет нетрудно вывести из этого отношения наблюдаемые изменения личности индивида и его зависимость от массы.

Намек на то, что сущность массы заключается в ее либидинозных привязанностях, можно подтвердить феноменом паники, который лучше всего был изучен именно для военных масс. Паника возникает тогда, когда такая масса разлагается. Главный признак паники заключается в том, что составляющие массу индивиды перестают выполнять приказы своих начальников, и каждый стремится спастись, не думая об остальных. Взаимные связи и привязанности рвутся, наружу стремительно выползает огромный бессмысленный страх. Естественно, на это можно возразить, что все как раз обстоит наоборот: страх так силен, что подавляет способность к здравым суждениям и эмоциональным привязанностям. Макдугалл (стр. 24) даже рассматривает случай паники (правда, не военной), как наглядный пример обнаруженного им повышения аффекта в результате заразительности (*primary induction*). Однако это рациональное объяснение в данном случае абсолютно непригодно. Сначала надо найти объяснение столь сильному страху. Величина опасности не может быть причиной паники, так как та же армия, что в данный момент охвачена паническим страхом, прежде, в моменты куда большей опасности, вела себя с безупречной доблестью. Сущность паники в том и состоит, что она не зависит от степени грозящей опасности и может разразиться по самому ничтожному поводу. Когда охваченный паническим страхом индивид начинает спасать свою шкуру, он, таким образом, признает, что перестали существовать эмоциональные связи, которые до тех пор преуменьшали в его глазах грозившую опасность. Теперь же, когда индивид остался с опасностью наедине, он воспринимает ее острее и непроизвольно ее преувеличивает. Следовательно, панический страх предполагает ослабление либидинозной структуры и является правильной реакцией на него, а не наоборот, то есть не страх разрушает либидинозную привязанность.

Это замечание несколько не противоречит утверждению о том, что страх в массе благодаря заразительности (индукции) может принять поистине чудовищные размеры. Интерпретация Макдугалла в целом верна для случая, когда опасность реально велика, а в массе отсутствуют сильные эмоциональные привязанности. Такое, например, происходит, когда в

переполненном театре возникает пожар. Для нас поучительным и полезным является упомянутый выше случай паники в армии, когда опасность является привычной или очень ненамного превышает привычный уровень. Не следует, однако, ожидать, что слово «паника» является строгим термином, определяющим какое-то точно определенное состояние. Иногда этим словом обозначают любой массовый страх, в других случаях страх отдельного человека, если этот страх чрезвычайно силен, а еще чаще паникой называют вспышку ничем не оправданного страха. Если мы используем слово «паника» для обозначения массового страха, то сможем провести одну далеко идущую аналогию. Страх индивида вызывается либо размерами опасности, либо исчезновением чувственных (либидинозных) связей. В последнем случае это типичный невротический страх. (См. лекции по введению в психоанализ, XXV). Паника может возникнуть как благодаря грозящей всем повышенной опасности, так и благодаря исчезновению эмоциональных связей, объединяющих массу – в последнем случае паника тоже аналогична невротическому страху. (См., например, по этому поводу содержательную, хотя и несколько фантастическую статью Белы фон Фельсеги «Паника и комплекс Пана»).

Если, вслед за Макдугаллом, мы будем описывать панику как одно из самых заметных проявлений «группового сознания» (*group mind*), то неизбежно придем к парадоксальному заключению: в этом своем наивысшем проявлении масса сама себя отменяет. Не может быть никаких сомнений в том, что паника – это разложение массы; паника приводит к разрыву всяких связей, объединявших индивидов массы в единое целое.

Типичный повод к возникновению паники описан в пародии Нестроя на драму Геббеля о Юдифи и Олоферне. В пьесе один из воинов кричит: «Военачальник потерял голову!» – и все ассирийцы бросаются в паническое бегство. Потеря вождя – в любом смысле – как и самые безумные вымыслы о нем – вызывает панику даже в том случае, если опасность осталась прежней; с разрывом связи с вождем (как правило) рушатся и связи, объединявшие индивидов массы. Масса разлетается, как болонская склянка, у которой отломили кончик.

Наблюдать такое же разложение религиозной массы не так легко, как разложение массы военной. Совсем недавно мне в руки попал написанный католиком и рекомендованный лондонским епископом английский роман «*When it was dark*» («Когда наступила тьма»). В этом романе очень талантливо и верно описана такая возможность и ее последствия. Действие романа происходит в наши дни. Группе заговорщиков – врагов Христа и христианской веры удается найти гробницу с надписью, в которой Иосиф Аримафейский признается, что, движимый благочестием, на третий день после распятия извлек из гроба тело Христа и тайно его захоронил на новом месте. Этим действием заговорщики уничтожили веру в воскресение Христа и в его божественную сущность. Следствием этой археологической находки явилось потрясение основ европейской культуры и вспышки разнузданного насилия и преступлений. Все эти насилия и преступления прекратились только после того, как заговорщики были разоблачены и уличены в фальсификации.

На первый план среди причин описанного в романе разложения религиозной массы выходит не страх, для которого нет причин, а безрассудное и враждебное отношение индивидов друг к другу, каковое не проявлялось прежде благодаря общей любви верующих к Христу. Вне этого единения и во время царства Христа стоят индивиды, не принадлежащие к общине верующих – индивиды, которые не любят Христа и которых не любит он. Именно по этой причине религия – хотя бы она и называлась религией всеобщей любви – по необходимости является жестокой и беспощадной в отношении к тем, кто к ней не принадлежит. В своей основе каждая религия без исключения является религией любви по отношению к тем, кого она объединяет, но всегда проявляет жестокость и нетерпимость к тем, кто ее не разделяет, и мы не имеем права упрекать за это верующих, как бы это ни было тяжело для каждого отдельного человека; психологически в такой ситуации гораздо лучше себя чувствуют неверующие и равнодушные. То, что в наши дни эта нетерпимость перестала быть столь грубой и жестокой, как прежде,

едва ли является результатом смягчения нравов. Скорее, причина заключается в очевидном ослаблении религиозных чувств и связанного с ним либидинозного (эмоционально окрашенного) единения массы. Если место религиозного единения займет что-то другое – а нечто в этом роде мы видим в организации социалистической массы, – то возникнет такая же нетерпимость к людям, не принадлежащим к массе, какая была характерна для эпохи религиозных войн, а если для массы подобное значение будет иметь разница в научных воззрениях, то и в этом случае результат будет абсолютно тем же.

VI. Дальнейшие задачи и направления исследований

Мы исследовали две искусственные массы и обнаружили, что они проникнуты эмоциональными привязанностями двоякого рода; одна из этих привязанностей направлена на вождя и – по крайней мере, так представляется самой массе – является более определенной и отчетливой, чем вторая – привязанность членов массы друг к другу.

В морфологии масс остается очень много неопisanного и неисследованного. Надо исходить из того, что простое скопление людей еще не есть масса, так как это скопление лишено упомянутых привязанностей, но при этом надо признать, что в любом скоплении множества людей очень легко проявляется тенденция к формированию психологической массы. Исследователь должен уделить внимание разнообразным, более или менее постоянным, спонтанно возникающим массам, чтобы изучить и понять условия их образования и распада. Во-первых, нас должны интересовать массы, имеющие вождя, и массы, вождя не имеющие. Не являются ли массы, имеющие вождя, более архаичными, но, тем не менее, более совершенными; не заменяется ли в иных массах вождь некой абстрактной идеей, как, например, в религиозной массе с их невидимым верховным вождем; не является ли, кроме того, заменой вождя общая тенденция или стремление, разделяемые большинством массы? Эти абстракции могут, с другой стороны, в большей или меньшей степени воплотиться в фигуре как бы вторичного вождя, а из соотношения идеи и вождя можно вывести много интересных закономерностей. Вождь или руководящая идея могут быть и, так сказать, негативными; ненависть, направленная против какой-то личности или учреждения, может стать не менее мощной объединяющей силой, чем позитивные привязанности. Между тем можно задать и еще один вопрос: нужен ли скоплению людей вождь для того, чтобы оно превратилось в массу?

Однако все эти вопросы, отчасти рассмотренные в литературе, посвященной психологии масс, не могут отвлечь нас от основных психологических проблем, связанных со структурой массы. Прежде всего, мы обратимся к рассуждению, которое кратчайшим путем приведет нас к доказательству того факта, что массу прежде всего характеризуют либидинозные привязанности. Сначала одно предварительное замечание: чем, вообще, характеризуется аффективное отношение людей друг к другу? Согласно знаменитому сравнению Шопенгауэра относительно замерзающих дикобразов, человек плохо переносит слишком близкое соседство других людей.

«Холодной зимой общество дикобразов теснится близко друг к другу, чтобы защитить себя от замерзания взаимной теплотой. Однако вскоре они чувствуют взаимные уколы, заставляющие их отдалиться друг от друга. Когда же потребность в теплоте опять приближает их друг к другу, тогда повторяется та же беда, так что они мечутся между двумя этими невзгодами, пока не найдут умеренного расстояния, которое они смогут перенести наилучшим образом». (*Parerga und Paralipomena, II. Teil, XXXI., Gleichnisse und Parabeln.*)

По данным психоанализа, каждое длительное, интимное, чувственно окрашенное отношение между двумя людьми – брак, дружба, детско-родительские отношения – оставляет осадок отторгающих враждебных чувств, которые уничтожаются путем вытеснения. Эти враждебные чувства проявляются более отчетливо, когда партнеры постоянно ссорятся между собой или если подчиненные все время высказывают недовольство своими руководителями. То же самое происходит, когда люди объединяются и в более многочисленные группы. Всякий раз, когда две семьи рождаются в браке, каждая из них считает себя лучше и благороднее другой. Два соседних города изо всех сил конкурируют между собой; каждый кантон пренебрежительно смотрит на другие кантоны. Близкородственные племена недолюбливают друг друга: южный немец терпеть не может пруссака, англичанин злословит в отношении шотландца, испанец презирает португальца. То, что между неродственными группами существует сильная неприязнь

– галла против германца, арийца против семита, белого против цветного – уже давно никого не удивляет.

Если враждебность направлена против любимого в других отношениях лица, то мы обозначаем ее как амбивалентность чувства, и весьма рационально объясняем такой случай многочисленными поводами к конфликтам интересов, каковые неизбежно возникают при длительных близких отношениях. В неприкрытых проявлениях враждебности и неприязни, направленных против окружающих чужих людей, мы можем распознать выражение себялюбия, нарциссизма человека, который стремится к самоутверждению и ведет себя так, будто само существование отклонения от его индивидуального развития требует от него критики и изменения. Почему так велика чувствительность к таким мелким различиям, мы не знаем; однако нет сомнения в том, что все поведение человека пронизано готовностью к ненависти и агрессии, происхождение которой неизвестно. Видимо, эти черты носят стихийный, изначальный характер.

В опубликованной недавно книге (1920) «По ту сторону принципа удовольствия» я попытался связать полярность любви и ненависти с принятым противопоставлением стремления к жизни стремлению к смерти, и рассмотреть сексуальное влечение, как чистейший заместитель первого – влечения к жизни.

Однако вся эта нетерпимость исчезает – на короткое или длительное время – при возникновении массы и в самой массе. Пока она существует, в пределах ее влияния, индивиды ведут себя так, словно они все одинаковы, терпят оригинальность других людей, приравнивают себя к ним и не испытывают по отношению к ним никакой неприязни. Такое ограничение нарциссизма, согласно нашим теоретическим воззрениям, можно объяснить только одним – либидинозной привязанностью к другим личностям. Себялюбие заканчивается там, где начинается любовь к другим, любовь к внешним объектам. В этой связи тотчас возникает вопрос: не приводит ли общность интересов, сама по себе, без либидинозного отношения, к терпимости и уважению по отношению к другим людям? На это возражение можно ответить, что в этой ситуации не происходит стойкого подавления нарциссизма, так как терпимость существует не дольше, чем обоюдная выгода от сотрудничества. Практически же этот спорный вопрос не имеет большого значения, так как из опыта известно, что при тесном сотрудничестве между коллегами и товарищами возникают именно либидинозные отношения, которые укрепляют их связь лучше любой выгоды. В социальных отношениях людей происходит то же, что было обнаружено психоаналитическими исследованиями в развитии индивидуального либидо. Либидо опирается на удовлетворение основополагающих жизненных потребностей и выбирает важных в этом отношении лиц в качестве первых своих объектов. Как у отдельных индивидов, так и в развитии всего человечества только любовь является тем культурным фактором, который превращает эгоизм в альтруизм. Половая любовь к женщине со всеми вытекающими из нее принуждениями, тем не менее, щадит то, что ей дорого, так же, как лишенная половой окраски, сублимированная гомосексуальная любовь к другому мужчине возникает из тесного рабочего общения.

Таким образом, если в массе происходит ограничение нарциссической любви к себе, каковое вне массы не существует, то это есть неопровержимое доказательство того, что в массе мы имеем дело с возникновением либидинозной привязанности людей друг к другу.

Но при этом возникает интересный для нас вопрос: какого рода эта привязанность? В психоаналитическом учении о неврозах мы до сих пор почти исключительно рассматривали возникавшие при образовании привязанности любовные влечения, преследующие сексуальную цель. Очевидно, что в приложении к массе речь не может идти ни о каких сексуальных целях. В массе мы имеем дело с любовными влечениями, которые действуют с не меньшей энергией, несмотря на то, что отклонились от своей изначальной, исконной, цели. Однако уже в рамках обычного сексуального овладения объектом мы отметили некоторые феномены,

соответствующие отклонению влечения от своей исходной сексуальности. Мы приписываем эти отклонения некоторой степени влюбленности и отмечаем, что они причиняют некоторый ущерб собственному «я». Мы уделим этим проявлениям влюбленности особое внимание, так как можем с полным правом ожидать, что обнаружим в них какие-то закономерности, которые можно будет перенести в объяснения возникновения либидинозных привязанностей в массе. Помимо этого мы хотим знать, является ли такой тип овладения объектом единственным видом чувственной привязанности к другому лицу, или нам придется принять во внимание и другие подобные механизмы. Из психоанализа мы достоверно знаем, что существуют и другие механизмы возникновения чувственной привязанности, так называемые идентификации, но они довольно плохо изучены, излагать их суть трудно, а их исследование на некоторое время отвлечет нас от темы психологии масс.

VII. Идентификация

В психоанализе идентификацией называют самое раннее проявление чувственной привязанности к другому человеку. Идентификация играет роль в предыстории возникновения эдипова комплекса. Маленький мальчик все время проявляет интерес к отцу, он хочет стать таким же, как его отец, быть на его месте в любых возможных ситуациях. Можно просто сказать: отец является для мальчика идеалом. Это отношение не имеет ничего общего с пассивной или женственной установкой по отношению к отцу (и к мужчине вообще), это отношение, наоборот, является чисто мужским. Это отношение очень хорошо уживается с эдиповым комплексом, возникновению которого оно и способствует.

Одновременно с идентификацией с отцом или немного позже мальчик начинает проявлять стремление к овладению матерью, как объектом, на который он может опереться. Таким образом, у мальчика образуются две психологически различные привязанности – чисто сексуальное влечение к обладанию матерью и идентификация отца с идеалом. Некоторое время обе эти привязанности существуют рядом, отнюдь не мешая друг другу и не оказывая друг на друга никакого влияния. Однако душевная жизнь, в конце концов, становится единой, и обе привязанности сливаются, образуя нормальный эдипов комплекс. Ребенок замечает, что отец стал препятствием, стоящим между ним и матерью; идентификация с отцом приобретает враждебную окраску – ребенком овладевает желание занять место отца и по отношению к матери. Идентификация с самого начала отличается амбивалентностью, в ней сталкиваются нежность и желание устранить соперника. Идентификация является прямым продолжением оральной фазы организации либидо, когда любимый и ценимый предмет присваивают, съедая, одновременно уничтожая его как таковой. Известно, что каннибалы остановились на этой стадии развития: он охотно пожирает своих врагов, но ест он только тех, кого раньше любил.

Позже эта идентификация с отцом легко теряется из вида. Потом может случиться так, что эдипов комплекс претерпевает обращение, и отец, при усвоении женственной установки, превращается в объект, от которого непосредственное половое влечение ждет своего удовлетворения, то есть идентификация с отцом становится предшественником объектной привязанности к отцу. То же самое, с соответствующими поправками, относится и к маленькой девочке.

Достаточно легко сформулировать отличие идентификации с отцом от выбора отца в качестве объекта. В первом случае отец – это тот, кем хотят быть, а во втором случае – тот, кем хотят обладать. То есть, по сути, речь идет о том, является ли привязанность субъектным или объектным отношением «я». Привязанность первого типа может существовать до выбора объекта сексуальной привязанности. Намного труднее, однако, наглядно представить эту разницу метапсихологически. Ясно лишь то, что идентификация стремится к уподоблению собственного «я» другому, взятому за идеальный образец.

При возникновении невротического симптома выделять идентификацию приходится из более запутанной зависимости. Маленькая девочка, которую мы в настоящее время наблюдаем, страдает тем же симптомом, что и ее мать, например мучительным кашлем. Формирование такого болезненного подобия может происходить разными путями. Либо это идентификация, следующая из эдипова комплекса, означающая враждебное желание занять место матери, и этот симптом выражает объектную любовь к отцу; этот симптом реализует замену матери при одновременном осознании собственного чувства вины: ты хотела быть матерью, и ты стала ею, по крайней мере, в страдании. Таков заверченный механизм возникновения истерического симптома. Но может случиться и так, что этот симптом является симптомом любимого лица (так, например, Дора во «Фрагменте анализа истерии» имитирует кашель отца); в этой ситуации смысл симптома можно описать следующим образом: идентификация заняла место выбора объекта, а выбор объекта деградировал до уровня идентификации. Мы все слышали о том, что

идентификация является самой ранней, первоначальной формой чувственной привязанности; при формировании симптома, то есть при вытеснении в условиях господства механизмов бессознательного часто происходит так, что выбор объекта снова становится идентификацией – то есть «я» принимает свойства объекта. Примечательно здесь то, что при такой идентификации «я» может копировать как любимого, так и нелюбимого человека. Мы не можем в такой ситуации не заметить, что в обоих случаях идентификация является частичной, в высшей степени ограниченной, и заимствует у взятого за объект человека лишь какую-то одну черту.

Есть и третий, самый частый и важный случай возникновения и формирования симптома, когда идентификация не имеет никакого отношения к объектному отношению к лицу, которое копируется в поведении человека, страдающего данным симптомом. Если, например, молоденькая девушка, живущая в пансионате, получает от тайного возлюбленного письмо, возбуждающее ее ревность, и реагирует на письмо истерическим припадком, то некоторые ее подруги, знающие о содержании письма, заражаются припадком, как мы говорим, путем психической инфекции. Этот механизм есть механизм идентификации, возникающей на основании желания или возможности находиться в такой же ситуации. Другие девушки тоже хотят иметь тайные любовные отношения и под влиянием подсознательного чувства вины принимают также и связанное с ними страдание. Было бы неверно утверждать, будто они присваивают себе симптом из сострадания. Напротив, сострадание возникает только из идентификации, и доказательством тому служит то, что такая инфекция или имитация возникает также и в ситуациях, когда предшествующая симпатия меньше, чем та, которую, как полагают, должны испытывать друг к другу подруги по пансионату. Одно «я» ощущает в некотором определенном пункте значимую аналогию с другим «я», в данном примере в готовности к чувству, и первое «я» в данном пункте осуществляет идентификацию и под влиянием патогенной ситуации превращает ее в симптом. Идентификация через симптом является, таким образом, указанием на одно аналогичное свойство обоих «я», которое должно быть вытеснено.

Выводы из этих трех источников мы можем теперь объединить: во-первых, идентификация есть изначальная форма чувственной связи с объектом; во-вторых, эта связь служит регрессивным замещением либидинозной привязанности к объекту путем своеобразной интроекции объекта в «я»; и, в-третьих, идентификация может возникнуть в каждом новом случае ощущения общности с человеком, не являющимся объектом сексуального влечения. Чем более значимой является такая общность, тем успешнее может оказаться частичная идентификация, дающая начало новой привязанности.

Мы уже догадываемся, что взаимная привязанность друг к другу членов массы является по своей природе такой идентификацией на основе важной эмоционально окрашенной общности, и мы можем предполагать, что эта общность имеет своим источником привязанность к вождю. Кроме того, мы, однако, догадываемся, что далеки от того, чтобы считать исчерпанной проблему идентификации, что мы стоим в самом начале пути, у порога, называемого в психологии «вчувствованием», и этот порог играет важнейшую роль в нашей способности понимания чужого «я» других людей. Здесь мы, однако, ограничимся ближайшим аффективным влиянием идентификации, оставив в стороне ее значение для нашей интеллектуальной жизни.

Психоаналитическое исследование, которое затронуло и более трудные проблемы возникновения психозов, поможет нам увидеть идентификацию и в некоторых иных случаях, довольно трудных для понимания. Для наших дальнейших рассуждений я подробно изложу здесь два таких случая.

Генез мужской гомосексуальности в большом числе случаев представляется следующим: молодой человек очень долго и необычно прочно был фиксирован на своей матери в рамках эдипова комплекса. Наконец, после окончания пубертатного периода настает время заменить мать другим сексуальным объектом. В этот момент дело может принять совершенно неожиданный оборот: молодой человек не покидает свою мать, напротив, он идентифицирует себя

с ней, он превращается в нее и начинает искать объекты, которые заменили бы ему его «я», объекты, которые он мог бы любить и ласкать, как любила и ласкала мать его «я». Это очень частое явление, которое легко в любом случае подтвердить, независимо от каких бы то ни было предположений относительно органической природы такого влечения и мотивах подобного внезапного психологического изменения. В этой идентификации примечательна ее избыточность, так как она изменяет важнейшее качество человека – его сексуальную ориентацию, его сексуальный характер, подгоняя под образец первоначального объекта сексуальной привязанности. При этом сам объект отбрасывается – либо окончательно, либо застревая в бессознательном – в данном случае, это выходит за рамки нашего обсуждения. Идентификация с отброшенным или утраченным с целью замены объектом, интроекция этого объекта в «я», для нас, конечно, уже давно не является новостью. Такой феномен можно иногда непосредственно наблюдать у маленького ребенка. Недавно в международном журнале психоанализа было опубликовано одно такое наблюдение: маленький ребенок был страшно расстроен смертью любимого котенка и заявил родителям, что он теперь сам – котенок. В соответствии с этим ребенок начал передвигаться на четвереньках, перестал есть за столом и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.